

ЭО, 2017 г., № 2

© А.Н. Терехина

КОЧЕВЫЕ ШКОЛЫ: ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ?

Ключевые слова: коренные народы Севера, Таймыр, проблемы образования, кочевые школы в Сибири

Статья посвящена новому явлению в образовании и культуре коренных малочисленных народов Севера – кочевым школам. Автор анализирует цели создания подобных учебных заведений, а также разные позиции чиновников и родителей относительно эффективности данной системы образования. На примере долганской кочевой школы-детского сада в Хатангском районе (Таймыр) рассматривается соотношение школьного распорядка и атрибутов с повседневными практиками семьи оленеводов.

За последние два десятилетия в регионах проживания народов Севера и Сибири, как и по всей России, в сфере образования был введен ряд новшеств. Постсоветский период характеризуется появлением этнокультурного компонента в учебной программе, призывами к сохранению и поддержке родных языков через школьное обучение, а также поиском новой “идеологии” для детей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Разноплановой критике подверглась советская система школ-интернатов, что привело к развитию малокомплектных школ в небольших поселках, организации нового устройства интерната – семейного типа, и появлению кочевых школ. Идеологи кочевого образования позиционируют современные кочевые школы как “возрождение” советского опыта 1920–1930-х годов (имеются в виду красные чумы и, собственно, кочевые школы). Открытие кочевых учебных заведений и дальнейшая разработка этой формы обучения вызвали волну дискуссий на тему их эффективности, рентабельности и в целом жизнеспособности. Кроме того, понятие “кочевая школа” оказалось весьма неоднозначным – его используют как для средней школы, так и для детских садов и летних лагерей.

Объем антропологической литературы по современным кочевым школам России сравнительно невелик. Непосредственно на данную тематику С.Г. Жирковой в Тромсё защищена диссертация о кочевых школах в Якутии и их значении для сохранения традиционной культуры народов республики (*Zhirkova* 2006). Работа С.Г. Жирковой основана на полевых материалах, собранных в эвенкийской школе “Амма” (Алданский улус), и экспертных интервью в Якутске. В работе С.Г. Жирковой рассматривается важный аспект связи традиции и новых технологий в рамках школы, однако выбранное для изучения учебное заведение имеет стационарную модель обучения (о моделях будет сказано ниже). В сборник под редакцией Э. Кастена и Т. де Граффа,

посвященный проблемам аборигенного образования, включены статьи о кочевом обучении: А. Лаврилье анализирует свой длительный опыт организации таежной школы для эвенков в Амурской обл. (Тындинский р-н) (*Lavrillier* 2013: 105–127); Ш. Дудек пишет о стойбищной школе, открытой ненецким писателем Ю.К. Вэллой (Ханты-Мансийский автономный округ) (*Dudeck* 2013: 129–157); Р.И. Лаптандер описывает школу ненецкой писательницы А.П. Неркаги как модель образования для коренных народов Ямала (*Laptander* 2013: 181–194). Н.А. Мамонтова в рамках социолингвистического подхода рассматривает организацию эвенкийской кочевой школы-детского сада (Эвенкийский муниципальный р-н) (*Мамонтова* 2013: 70–91).

Большинство работ о возрождении кочевых школ, их организации и деятельности в современную эпоху, написаны представителями педагогического сообщества (научными работниками и чиновниками). Среди них статьи и выступления Н.И. Бугаева, Ф.В. Габышевой, В.Н. Егорова, А.В. Кривошапкина, А.М. Лебедева, Н.Г. Неустроева, Р.С. Никулина, В.А. Роббека, С.С. Семеновой, Ю.А. Слепцова и др. (*Бугаев* 2005; *Габышева* 2012; *Лебедева* 2009; *Роббек* 2007 и др.). К этим работам я обращаюсь в данном исследовании наряду с докладами региональных отделов образования, материалами педагогических конференций, участником которых мне довелось быть (с целью понимания дискурса современного кочевого образования).

В настоящей статье я попытаюсь рассмотреть, что представляют собой кочевые школы в реальности, и выяснить, можно ли считать их альтернативой системе школ-интернатов. Мое внимание будет обращено на жизнь локальных аборигенных сообществ, в которых работают кочевые школы, и набор повседневных практик, связанных с графиком занятий, поведением участников образовательного процесса и хозяйственной деятельностью стойбища.

В основу статьи легли материалы, собранные мной в Республике Саха (Якутии) и Амурской обл. (2012 г.), Таймырском (Долгано-Ненецком) муниципальном р-не (2012 и 2013 гг.) и Ямало-Ненецком автономном округе (2009–2014 гг.).

Кочевая школа: “всеобуч” или тренд?

Прежде чем сосредоточиться на кочевых школах в России, я бы хотела обратить внимание, что с практикой кочевого образования уже несколько десятилетий экспериментируют в ряде стран: Нигерии, Кении (и других государствах Восточной Африки), Иране, Сирии, Индии, Киргизии, Монголии. В работах о кочевых школах антропологи используют разнообразные термины: “mobile school”, “tent-school”, “peripatetic school”, “school-on-wheels”, “shepherd schools”, “moving school” (*Dyer* 2006).

Кочевые учебные заведения в перечисленных государствах имеют множество форм (как в концептуальном смысле, так и в буквальном): от шатровых школ Корана в Сомали до лодок-школ (*boat-school*) в Бангладеше. Деятельность по распространению грамотности в бывших колониальных странах активизировалась в связи с запуском UNESCO международной программы “Education and the Millennium Development Goals” в 2000 г., цель которой – обеспечение всеобщим начальным образованием всех детей и взрослых до 2015 г. (см.: *Education and MDG* 2000). Стоит отметить, что цели, поставленные в сфере обучения кочевников, имеют принципиально разные основания в зависимости от государства. В странах Восточной Африки, Иране, Индии, Сирии запланирована ликвидация безграмотности населения, никогда до этого не охватываемого образованием, что напоминает ситуацию первых десятилетий становления советской власти. В России, Монголии и Киргизии иная ситуация: уже существует налаженная система школ-интернатов, обеспечивающая кочевников и жителей удаленных поселков средним образованием, но правительство и общественные организации инициировали создание новых, более адаптированных, форм обучения для детей из кочевых семей. В России в 1990-е годы аборигенные лидеры и чиновники

выдвинули цели, которые для регионов проживания народов Севера и Сибири можно сформулировать следующим образом: 1) обеспечение возможности получать разные ступени образования без отрыва от семьи; 2) восстановление, сохранение и воспроизводство традиционного хозяйства, культуры и языка.

В 6-8 лет дети из кочевых семей уезжают учиться в поселковые школы-интернаты, где проводят большую часть года. Истории людей, “прошедших” через интернаты – хорошо знакомые всем исследователям, работающим на Севере, сюжеты: отрыв от родителей и привычной обстановки, шоковое состояние ребенка, трудности восприятия новых культурно-бытовых практик. Проблемы, связанные с адаптацией, широко проанализированы в работе Е.В. Лярской о школах-интернатах на Ямале (*Лярская* 2003). Среди современных родителей-оленоводов распространены нарратив об иждивенчестве, которое воспитывается в их детях в интернатах (“совсем ничего делать потом не хотят”, “в советское время такого не было” [ПМА 2011(6): Худи; ПМА 2012(6) Яр]). Чиновники и национальная интеллигенция, критикующие систему школ-интернатов, выступают за “возвращение” ребенка в семью, однако в первую очередь из-за стремления сохранить “традиционную культуру”, разрушающуюся в процессе глобализации/урбанизации/промышленного освоения, а также из-за пагубного влияния школ-интернатов. В дискурсе влиятельных аборигенных кругов доминирует тема “возвращения к корням” и “занятиям предков” (при этом сами лидеры, как правило, проживают в городах и поселках), поскольку именно в тундре и тайге живут “настоящие” представители коренных этнических групп. Таким образом, обучение в кочевых школах без отрыва от “традиционной культуры” должно способствовать преодолению вышеуказанных проблем. Кроме того, с кочевым образованием связывают возможность ревитализации этнических языков. Такую позицию в комплексе на примере эвенков и детского сада в оленеводческой бригаде с. Суринда (Эвенкийский муниципальный р-н) ярко проиллюстрировала Н.А. Мамонтова (*Мамонтова* 2013: 70–91).

По мнению некоторых родителей, возраст от 6 до 12 лет – период, когда ребенок получает все основные навыки, необходимые для ведения традиционного образа жизни, выживания и обращения с оленем, а также усваивает нормы поведения, свойственные культуре (ПМА 2013(а): Жарков). В соответствии с подобными представлениями кочевая школа оказывается актуальной в первую очередь как форма обучения для начальных классов.

Противники кочевых форм образования утверждают (в их числе как чиновники и представители коренной элиты, так и сами родители-оленоводы), что подобные школы – это шаг назад, “в тундру/тайгу”, в то время как детям современных кочевников необходимо пройти адаптацию в поселке/городе и получить хорошее образование, чтобы иметь возможность выбора “дороги в жизнь”. Негативная реакция на подобные новшества также обусловлена тем, что образование считается основным методом адаптации к культуре доминирующей группы (*Pollock, Levinson* 2011: 1–9). В силу этого учреждение школы, интегрированной в обстановку кочевья, может отрицательно сказаться на социализации ребенка и усвоении им “оседлых” моделей поведения.

“Передовиком” в разработке современного кочевого образования выступает Республика Саха (Якутия). Первые якутские кочевые школы были открыты в 1990 г. в Оленекском улусе, в 1992 г. – в Алданском р-не и Олекминском улусе, в 1995 г. – в Анабарском улусе (*Роббек* 2007: 10). На сегодняшний момент в республике действуют 13 кочевых школ для долган, эвенков, эвенов и чукчей, сложилась нормативно-правовая база, закрепляющая статус кочевых учебных заведений. В соседней Амурской обл. в 1990 г. начала работу таежная школа в с. Усть-Нюкжа Тындинского р-на. В 2006 г. по инициативе французского антрополога А. Лаврилье там же была организована кочевая школа для детей эвенкийских оленеводов, действующая и в настоящее время.

В Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном р-не работают: с 2008 г. кочевая школа-детский сад в с. Тухард для детей ненцев-оленоводо, с 2009 г. – стацио-

нарная малокомплектная школа-детский сад в с. Поликарповск для детей рыбаков; с 2011 — кочевая школа-детский сад на базе долганской семьи оленеводов с. Новорыбная. В 2010—2012 гг. функционировала экспериментальная площадка на рыболовецкой точке Хинка в Носковской тундре (бывший Усть-Енисейский р-н) — летняя кочевая школа-детский сад для ненецких детей. В Красноярском крае на территории Эвенкийского муниципального р-на в 2011 г. также открылся уже упомянутый эвенкийский кочевой детский сад в оленеводческой бригаде с. Суринда.

В Ямало-Ненецком автономном округе первой попыткой реализации модели кочевого образования стало открытие в 2010 г. региональной экспериментальной площадки в с. Лаборовая (Приуральский р-н). В 2013/2014 учебном году на территории округа работало 10 кочевых образовательных учреждений, в основном кочевые группы детских садов в Вынгапуровской, Гыданской, Находкинской, Харампурской, Ямальской тундрах и Шурышкарском р-не (Публичный доклад 2013).

В сентябре 2013 г. открылась начальная кочевая школа в поселке Каэттын в Билибинском р-не Чукотки.

По получившимся подсчетам в 2013—2014 гг. на всей территории российского Севера функционировало около 30 учебных заведений, имеющих статус “кочевая школа/кочевой детский сад”, с общим количеством обучающихся — примерно 350 человек. Практика кочевого образования существовала также в Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, но в данный момент школы прекратили работу. Для кочевых школ характерны небольшие классы (3—10 человек), состоящие из детей одной-двух семей. Некоторые школы по этой причине могут быть закрыты со временем по мере взросления их воспитанников. Замечу, что отдельные новые или уже закрывшиеся школы я могла не включить в данное описание. Приведенные выше цифры скорее дают возможность представить на уровне порядка количество кочевых школ и обучаемых в них детей в регионах проживания коренных малочисленных народов Севера.

Специалистами в Якутии разработаны методические пособия с подробной классификацией учебных заведений. Помимо этого, перечень моделей кочевых школ представлен в законе “О кочевых школах Республики Саха (Якутия)”. В других северных регионах используется эта же терминология с некоторыми различиями в значении. В законе приведены все возможные, по мнению якутских специалистов, варианты моделей: кочевая школа (филиал), начальная кочевая школа-детский сад, общинная, гувернерская, таежная, стационарная, воскресная, сетевая, летняя школы (Закон 2008). НИИ национальных школ РС(Я) были выделены три базовые модели: собственно кочевая (реально кочует); стационарно-кочевая (не кочует); сезонная (работает в каникулярное время) (Габышева 2012: 202—209).

Для того, чтобы разобраться с многообразием форм и пересечением отдельных характеристик школ, я сначала расклассифицировала кочевые учебные заведения по следующим параметрам: “подвижность”, образовательная ступень и график (сезон) работы.

В зависимости от природно-климатической зоны и хозяйственной деятельности семей школы можно разделить на два основных типа: кочевой и стационарный. Среди реально кочующих школ в свою очередь можно выделить два сценария: школа кочует с одной семьей/общиной или школа переезжает из семьи в семью, находящаяся на удалении друг от друга, и проводит учебные сессии в каждой из них. Последний случай предполагает очно-заочную форму обучения и называется региональными методистами сетевой моделью. Стационарные *кочевые* школы соответственно не кочуют, находясь на общинных производственных участках или в небольших поселках. Занятия проходят в стационарном помещении, но учебная программа включает в себя практические занятия по рыболовству, охоте и оленеводству. Родители живут вместе с детьми либо кочуют неподалеку.

Таблица 1

“Подвижность” кочевых школ

Тип школы	Описание	Примеры школ
Кочующая	Школа кочует с семьей или группой семей оленеводов. Занятия проводятся в отдельном школьном кочевом жилище (чуме, палатке, балке ¹) или непосредственно в жилище, где проживает семья.	– эвенская школа “Нэргэт”, Кобяйский улус, Республика Саха (Якутия); – долганская Новорыбинская школа, Хатангский р-н, Таймырский муниципальный р-н; – ненецкая школа-сад, с. Тухард, Таймырский муниципальный р-н; – эвенкийская школа с. Усть-Нюкжа, Амурская обл.; – ненецкие группы детского сада, Ямалский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ.
Стационарная	Школа расположена в поселении, на промышленном участке семей, как правило организованных в общину, или в поселках компактного проживания. Занятия проходят в стационарном помещении. Родители проживают вместе с детьми или кочуют неподалеку от поселения.	– эвенкийские школы “Угут” и “Амма”, Алданский улус, Республика Саха (Якутия); – ненецкая школа в с. Поликарповск, Носковский р-н, Таймырский муниципальный р-н; – ненецкая школа на этностойбище А.П. Неркаги, близ с. Лаборовая, Приуральский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ; – чукотская школа в с. Каэттын, Чукотский автономный округ.

В большинстве случаев кочующие школы обеспечивают население дошкольным и начальным образованием. После прохождения четырех кочевых классов, дети приезжают в школу-интернат. Стационарные модели предполагают обучение до 9 класса. Кочевые школы в основном являются структурными подразделениями школ-интернатов в поселках. Исключениями считаются ряд школ, оформленных как отдельные юридические лица.

По сезонности работы школы можно разделить на три группы: круглогодичные (имеется в виду учебный год), работающие 2 четверти из 4, летние. К круглогодичным относятся стационарные кочевые школы и детские сады. Реально кочующие учреждения имеют практику обучения в кочевых условиях в течение II и III учебных четвертей, в I и IV четвертях дети учатся в базовой школе-интернате. Исключением является ненецкая школа с. Тухард, кочующая круглый год. Подобный график обусловлен сложностями кочевого маршрута в период распутицы: весной и осенью дети переезжают учиться в поселок. Летние школы представляют собой этнолагеря для поселковых детей или временные занятия с дошкольниками.

Как мы видим, кочевые образовательные учреждения имеют множество форм, отсюда встает необходимость остановиться на самом термине “кочевая школа”. Только в Якутии кочевые школы закреплены самостоятельным законом. В Ямало-Ненецком автономном округе такая форма обучения отмечена как возможная в законе об образовании. Согласно якутскому законодательству, этот тип учебных заведений имеет довольно широкое по смыслу определение: “Кочевая школа – это самостоятельное образовательное учреждение или филиал образовательного учреждения в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера” (Закон 2008). Из

Таблица 2

Образовательная ступень

Ступень образования	Примеры школ
Дошкольная	<ul style="list-style-type: none"> – ненецкие группы детского сада в Шурышкарском, Приуральском, Пуровском, Ямальском районах, Ямало-Ненецкий автономный округ; – эвенкийская кочевая школа-детский сад, с. Суринда, Эвенкийский муниципальный р-н; – летняя ненецкая кочевая школа-детский сад на рыболовецкой точке Хинка (Носковская тундра), Таймырский муниципальный р-н.
Дошкольная+ начальная	<ul style="list-style-type: none"> – эвенская школа “Нэргэт”, Кобяйский улус, Республика Саха (Якутия); – долганская Новорыбинская школа, Хатангский р-н, Таймырский муниципальный р-н; – ненецкая школа-сад, с. Тухард, Таймырский муниципальный р-н; – эвенкийская школа с. Усть-Нюкжа, Амурская обл.; – эвенская кочевая школа “Кёнэлэкээн”, Оленекский улус, Республика Саха (Якутия).
Дошкольная+ начальная+ средняя	<ul style="list-style-type: none"> – эвенкийские школы “Угут” и “Амма”, Алданский улус, Республика Саха (Якутия); – ненецкая школа на этностойбище А.П. Неркаги, близ с. Лаборовая, Приуральский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ;
Начальная+ средняя	<ul style="list-style-type: none"> – эвенская Улахан-Чистайская СОШ им. В.Д. Лебедева, Момский улус, Республика Саха (Якутия)
Дополнительное образование	<ul style="list-style-type: none"> – летняя этноэкологическая кочевая (малокомплектная) школа “Авданна”, Республика Саха (Якутия).

приведенной выше классификации видно, что кочевые школы далеко не всегда реально кочуют, как бы странно это ни звучало. Из 29 существующих кочевых учреждений кочуют лишь 9, остальные имеют стационарные формы. При этом из 9 реально кочующих учебных заведений только 4 являются школами, остальные – детские сады. Кочевые школы, которые зачастую вовсе не “кочевые” и совсем не “школы”, стали в северных регионах престижным брендом и одним из символов самобытного пути развития. Статус “кочевая” обеспечивает иную степень внимания администрации и СМИ к учебному заведению. Складывается ощущение, что модное словосочетание имеет характер устойчивой конструкции, необходимой в качестве некоего дискурсивного сигнала как для сторонников подобных школ, так и для их противников. В этом смысле очень показательна ситуация с кочевым образованием на Ямале. Когда чиновники запустили активную кампанию по развитию кочевых школ, в том числе выступая перед журналистами, на местное телевидение начали поступать звонки от тундровиков, не желающих, чтобы “школа пришла в чум”. Вместе с тем стратегия развития этого направления в округе в первую очередь связана с обеспечением тундрового населения именно дошкольным образованием и предшкольной подготовкой. Однако, говоря о кочевых детских садах, чиновники используют термин “кочевая школа”, что вводит в заблуждение как родителей, так и несогласных с данной формой образования представителей администрации и национальной элиты, реагирующих на популярное словосочетание как на красную тряпку.

Таблица 3

График работы школы

Сезоны	Описание	Примеры школ
Весь учебный год	Занятия проводятся в кочевой школе все 4 четверти. Это характерно для стационарных школ.	<ul style="list-style-type: none"> – эвенкийские школы “Угут” и “Амма”, Алданский улус, Республика Саха (Якутия); – ненецкая школа в с. Поликарповск, Носковский р-н, Таймырский муниципальный р-н; – ненецкая школа-сад, с. Тухард, Таймырский муниципальный р-н; – ненецкая школа на этностойбище А.П. Неркаги, близ с. Лаборовая, Приуральский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ; – ненецкие группы детского сада в Шурышкарском, Приуральском, Пуровском, Ямальском районах, Ямало-Ненецкий автономный округ.
Две четверти	II и III четверти (зимний период) школа находится на стойбище, а I и IV четверти дети учатся в базовой школе-интернате.	<ul style="list-style-type: none"> – эвенская школа “Нэргэт”, Кобяйский улус, Республика Саха (Якутия); – ненецкая школа, с. Тухард, Таймырский муниципальный р-н; – эвенкийская школа с. Усть-Нюкжа, Амурская обл.
Летние месяцы	Занятия проводятся в летние месяцы. К таким “школам” относят этнолагеря и летние сессии работы с дошкольниками.	<ul style="list-style-type: none"> – летняя ненецкая кочевая школа-детский сад, Носковская тундра, Таймырский муниципальный р-н; – летняя ненецкая школа в общине “Ямб то”, Ненецкий автономный округ. – чукотская школа в с. Каэттын, Чукотский автономный округ.

Вследствие этого основополагающая характеристика кочевых школ заключается не в том, что они перемещаются, а в том, что такие учебные заведения – для кочевников, они максимально приближены к условиям жизни оленеводов или непосредственно включены в них. Определение нельзя назвать исчерпывающим, поскольку есть школы, в которых учатся дети из семей рыбаков (п. Поликарповск, Таймыр). “Возрождение” понятия “кочевые школы” в 1990-е годы, очевидно, связано с идеей подчеркнуть их отличие от школ-интернатов. В чем заключается эта разница, еще предстоит разобраться.

Кочевая школа на практике

Феномен кочевой школы интересен не только как эксперимент современной педагогики, но и как новое культурное и социальное явление, само по себе представляющее объект антропологического исследования. В рамках данной статьи сосредоточусь на трех аспектах (на примере долганской школы на Таймыре): а) школе как объекте материальной культуры; б) внутреннем школьном пространстве; в) организации жизни стойбища со школой. Выбор фактического материала обусловлен не только тем, что весной 2013 г. я проводила полевые исследования на стойбище семьи Жарковых (на ее базе и работает школа), но и актуальными для моего исследования характеристиками учебного заведения. Являясь одной из четырех реально кочующих, школа обеспечивает дошкольную, начальную ступени образования и 5 класс средней ступени. Отдел образования с/п Хатанга предлагал нескольким семьям оленеводов

Рис. 1. Стойбище Жарковых: школьный, учительский и жилой балки. Фото автора, 2013 г.

“принять в семью” школу, но люди отказывались. Жарковы узнали о таком проекте от родственника, работающего в местной администрации, и попросили организовать школу на их стойбище.

Кочевая школа-детский сад в Хатангском р-не является структурным подразделением средней общеобразовательной школы с. Новорыбная (село входит в состав с/п Хатанга). Школа открыта на базе долганской семьи оленеводов Жарковых в январе 2011 г. Как объясняют сами Жарковы, такая школа была им давно нужна. Основная причина в том, что в Новорыбинской базовой школе нет здания интерната. Глава семьи Павел объясняет, что маленьким детям тяжело живется в тесной квартире родственников, у которых много своих детей. Его жена Василина говорит, что, пока дети учатся в начальной школе, за ними необходимо постоянно присматривать, а будут постарше – смогут полностью сами себя обслуживать (ПМА 2013(а): Жарков, Жаркова).

Школа вместе с педагогом Нелли Чарду кочует с Жарковыми с ноября по конец марта, т. е. II и III учебные четверти (самый длительный период учебного года). I и IV четверть дети все-таки учатся в Новорыбной, присоединяясь к основным классам и другим учителям, а Нелли Андреевна исполняет там обязанности воспитателя. В кочевой школе в 2012/2013 учебном году обучалось 5 человек: 1 дошкольник, 2 второклассника, 2 пятиклассника. Глава отдела образования Хатангского р-на Н.В. Большакова уточнила, что работа школы юридически возможна только при наличии не менее пяти учеников в классе (ПМА 2013(а): Большакова). Для достижения нужного количества учащихся родственники отдали Жарковым на обучение двух своих сыновей, чтобы их поселковые дети поучились жизни в тундре. Отдельно хочу отметить, что учительница до работы в кочевой школе жила в Хатанге и училась в Дудинке, иными словами, кочевые реалии тундры ей не были знакомы. Нелли Андреевна ранее проходила студенческую практику в летней ненецкой кочевой школе, где ее заинтересовала работа с тундровыми детьми. После окончания колледжа устроилась педагогом в Новорыбинскую школу. Когда начались поиски кочевого учителя для Жарковых, Нелли предложила свою кандидатуру.

До начала учебы под школьный класс и для проживания учительницы были изготовлены два специальных балка с пластиковыми окнами, покрытые ярко

Рис. 2. На уроке в кочевой школе. Фото автора, 2013 г.

оранжевым утеплителем (вместо традиционной покрышки из оленьих шкур и брезента поверх нее) (Рис. 1).

Транспортировка этих помещений возможна только по снегу, поэтому дети в распутицу уезжают учиться в поселок, а школьные балки остаются в “укромном” месте на пути кочевания. Как рассказывают долганы-оленеводы, для перемещения жилого балка нужно запрячь 10 оленей, но в последние годы жилища часто перевозят при помощи снегоходов (ПМА 2013(а): Киргизов). Балок-школа превосходит размерами стандартный жилой балок. При наличии большого веса школьный балок стоит на низких полозьях, что является ошибкой конструкции и не соответствует техническим характеристикам для перемещения по глубокому снегу. Прежде чем перевозить, мужчины несколько раз ездят туда-обратно, чтобы утрамбовать снег и накатать ровную дорогу. В том, что перевозить “школу” довольно сложно, я смогла убедиться сама, увидев, как для транспортировки школы-балка были “запряжены” три снегохода.

Внутри учительница разместила все школьные атрибуты так, чтобы балок максимально напоминал обычный класс (Рис. 2). На дальней стенке располагается традиционная зеленая школьная доска; имеются складные парты со стульями и учительский стол; на стенах висят рисунки учеников, аппликации из цветной бумаги, список класса и “этнокультурные” элементы (нарисованные фигуры в долганской одежде); как визуальное напоминания развешаны плакаты с алфавитом, таблицей умножения, правилами русского языка.

По российским стандартам на видное место помещен выданный учительнице портрет президента В.В. Путина. Во время одного из занятий ИЗО дети рисовали В.В. Путина с портретной “натуры”, поэтому теперь по соседству с президентом висят его “копии” – рисунки учеников кочевой школы (Рис. 3).

Помимо такой материальной комплектации и организации пространства Нелли Андреевна задает тон для создания атмосферы “настоящей” школы. Учительница

Рис. 3. “Запоминай-ка”. Портрет президента РФ в классе долганской кочевой школы. Фото автора, 2013 г.

каждое утро собирается на уроки основательно (несмотря на то, что на улице мороз, а до школьного балка пройти пять метров): надевает блузку, делает макияж и причёску с объяснением “Я же должна ходить в школу как учительница!” (ПМА 2013(а): Чарду). Ученики и родители в свою очередь перенимают соответствующий настрой. В класс школьники приходят аккуратно одетыми в рубашки или опрятные свитеры и брюки. Наблюдая за уроками и снимая их на видео, я погружалась в атмосферу обычного класса, хотя расположение школы выдавал звук хруста снега под копытами бродящих по стойбищу оленей и периодически заходящая подтопить печку хозяйка.

Другой важный момент связан с отношением к учителям и школьному пространству самих учеников. Дети рассказывают, что испытывают стеснение и даже страх перед учителями в поселке. Учителя для них чужие люди, а школьные классы — незнакомые пространства, часто закрытые на замок. В поселковых школах (как и в любых других — у каждого из нас в багаже аналогичные воспоминания) поведение детей зачастую регулируется с помощью запретов (бегать по коридорам, кататься на перилах, носить “неправильную” одежду и др.). В отличие от всех этих “нельзя” школа-балок — место, куда, по мнению детей, можно прийти в любой момент (дверь всегда открыта), и им нравится проводить там время. По рассказам детей, которые сравнивают кочевую школу с обучением в стационарной, у них нет мучительного ощущения утром, когда нужно вставать и идти по поселку в школу — до школьного балка ученикам требуется пройти лишь несколько метров (ПМА 2013(б): Жаркова, Жарков).

В обстановке кочевой школы складывается особое отношение и к учительнице. Нелли Андреевна живет в соседнем балке, но много времени проводит в основном жилище семьи: общается с хозяйкой, вместе со всеми обедает и ужинает. Иными словами, все жители стойбища, в том числе и дети, считают Нелли членом семьи, что стирает распространенное отчуждение во взаимоотношениях ученика и учителя, сохраняя при этом уважение и субординацию. Мне было важно понять, насколько школа влияет на распорядок дня и набор повседневных практик или подстраивается под них. В антропологической литературе мы находим многочисленные описания

изменений, связанных с включением различных материальных и культурных новшеств в привычный уклад жизни. К примеру, телевизор, появившийся у инуитов Канады, быстро занял важную позицию (*Graburn* 1982: 7–18). За короткий период телевизионная программа превратилась в отправную точку для формирования распорядка дня в аборигенном сообществе. Время охоты на тюленей стало зависеть от начала выхода интересной телепередачи, к которой охотники обязательно должны успеть вернуться домой. Вечер в семье, обладающей “волшебным ящиком”, выглядел как большое собрание родственников и соседей всех возрастов.

Находясь у Жарковых, я наблюдала за ритмом жизни стойбища. Для сравнения я ориентировалась на две в какой-то степени полярные модели: шатровые школы (*tent-school*) для тюркоязычных кочевых групп кашкайцев в Иране и летнюю ненецкую школу в Носковской тундре на Таймыре. В иранских школах-шатрах, массово начавших работать со второй половины 1950-х годов, не было ни школьных звонков, ни расписания, когда и какие предметы нужно преподавать, ни правил, какие уроки в каком порядке проводить. Все предметы изучались и практиковались целый день и каждый день. Мохаммад Шахбази, исследовавший систему образования для иранских кочевников, не считает, что учителя не знали, как это было нужно делать, просто школы старались работать в манере жизни самих скотоводов. Зная, что труд детей нужен родителям, учителя при необходимости отпускали учеников на помощь взрослым (*Shahbazi* 2006: 175–192).

Летняя ненецкая школа на рыболовецкой точке Хинка в районе п. Носок, где в 2012 г. прошел мой полевой сезон, работала стационарно. В Хинке, расположенной на берегу притока Енисея, проживают рыбаки, а в летний период здесь проводят время старики, которым родственники часто оставляют внуков из поселка или с оленеводческих стойбищ. Дети ненцев-оленьеводов, поступающие учиться в школу-интернат, в большинстве случаев плохо знают русский язык, владеют только ненецким. Ранее для обучения русскому языку и адаптации в новых условиях в Носковской школе работал нулевой класс, как это принято в подобных учреждениях, например, Ямало-Ненецкого автономного округа и других северных регионов. Однако в последние годы в Носковской школе-интернате отсутствовали помещения для обучения и проживания “нулевичков”, по этой причине и была открыта летняя школа для подготовки маленьких детей к 1 классу. Параллельно в рамках кочевой школы проходили практику студенты Дудинского многопрофильного колледжа. Их задачей было устранение учебных пробелов у детей более старшего возраста и проведение досуговой программы. Не вдаваясь в подробности организации учебного процесса, хочу сказать, что график работы школы был составлен без учета особенностей распорядка жизни жителей рыболовецкой точки. Во время полярного дня в Хинке и взрослые, и маленькие дети ложились поздно, в 1–3 часа ночи (занимались домашними делами, смотрели сериалы, ходили в гости), и вставали поздно. Начало учебного дня было назначено Управлением образования в Дудинке на 10.00, учителя же не решались изменить спущенный сверху график. Несмотря на то, что детям очень нравилось учиться, ранние по местным меркам подъемы вызывали у взрослых неудобство, а у детей недосып.

Вернемся к школе Жарковых. Оставляя подробный анализ учебной программы для другого текста, хочу лишь отметить, что никаких дополнительных предметов или тем, отличных от программы поселковой школы, у Жарковых нет. Школа не работает по специальному учебному плану и методикам, адаптированным под культурные и психологические особенности тундровых детей. Долганский язык, на совершенствование навыков которого предполагается делать упор в кочевой школе, не преподается — учительница не владеет родным языком.

Ученики 1–3 классов учатся 5 дней в неделю, а у 4–5 классов — шестидневка. Изначально административными инструкциями было предусмотрено обучение

класса-комплекта (т. е. дети всех возрастов учатся одновременно), но Нелли разделила учеников на две группы – второклассников и пятиклассников – и сделала занятия в две смены. Единственный дошкольник приходил в школу во вторую смену вместе со 2 классом. Учительница объясняет, что сделала это для удобства и наибольшей эффективности преподавания с учетом того, что временные возможности позволяют установить такое расписание (ПМА 2013(а): Чарду). Педагог старается соблюдать расписание уроков и перемен, ориентируясь по наручным часам. Во время перемен дети выбегают на улицу, возятся с оленями и собаками. В середине дня дошкольникам и второклассникам полагается динамическая пауза – Нелли Андреевна проводит зарядку.

Ученики первой смены после уроков, а ученики второй перед уроками наблюдают за тем, что делают взрослые, а пятиклассники уже более серьезно задействованы в помощи родителям. После всех уроков, обеда и других повседневных дел дети приходят в школу выполнять домашнее задание. Здесь им тоже помогает Нелли Андреевна, а Василина в это время периодически проводит различные творческие занятия по рисованию, изготовлению аппликаций, технике работы с оленьим мехом и кожей. Хозяйка оформлена в кочевой школе как педагог дополнительного образования, поскольку имеет соответствующий диплом.

По словам Н.В. Большаковой, “у них эта школа воспринимается как часть семьи... Это даже очень здорово для семьи. Высвобождается место (дополнительное пространство. – А.Т.). Позавтракали, пополдничали – пошли туда. У мамы, когда есть свободное время, сидит в школе, что-то делает. Единый уклад жизни, получается. Школа хорошо вписывается” (ПМА 2013(а): Большакова). Хозяйка стойбища Василина подтверждает это мнение: “Когда уроки заканчиваются, дети обедают и идут туда уроки делать. Любят в школе быть. Взрослые тоже туда приходят. На праздники Нелли Андреевна с детьми делает выступление, нам нравится” (ПМА 2013(а): Жаркова). Я была свидетелем того, как по вечерам все жители стойбища собирались в школе, подключали предоставленный администрацией проектор и на большом экране смотрели фильмы. Таким образом, с одной стороны, школа не имеет гибкого графика, как в случае с иранскими школами-шатрами, с другой, по моим наблюдениям и мнению самих Жарковых, школа не нарушает ритм жизни стойбища, а является его “сердцем” и, можно сказать, культурным центром.

Дискуссии об эффективности

Критику кочевого образования чаще можно услышать в тех регионах, где школы только начинают развиваться – например, на Ямале и Таймыре. В одних случаях она касается сугубо технических моментов, связанных с организацией передвижения, установки, обустройства и отопления школы. Однако здесь я остановлюсь на других доводах противников кочевых школ. Часть информантов считает, что в кочевых школах дети не получают хороших знаний и не смогут дальше учиться, даже если захотят. Иными словами, им придется остаться в тундре или устраиваться на неспециализированную работу. Давно прошли годы, когда детей прятали, чтобы не отдавать учиться. Оленеводы высказываются о необходимости образования для их детей. Беспокойство родителей о качестве обучения связано с ощущением нестабильности в ведении традиционного хозяйства, обусловленным отчуждением пастбищ под промышленные объекты, падежом оленей, ухудшением экологии. Часто от родителей можно услышать высказывания о том, что они не хотят, чтобы их дети становились оленеводами, объясняя это разными причинами (в тундре очень тяжело жить, нет перспектив, оленеводство скоро угаснет, в поселке и городе детей ждет лучшая судьба). Именно поэтому у данной части информантов транслируемая повсеместно цель создания кочевого образования как одного из средств сохранения традиционного хозяйства вызывает

негативную реакцию. Современные родители настолько привыкли к школам-интернатам, что видят в них единственную полноценную форму обучения. Кроме того, по словам некоторых родителей, ребенок, находясь в интернате, освобождает им время для ведения хозяйства и уменьшает расходы за счет государственного содержания (ПМА 2012(б): Яптунэ).

Репрезентативных данных об уровне образования в кочевых школах и успешности дальнейшего обучения их воспитанников в настоящий момент нет. Мне удалось зафиксировать лишь ряд довольно противоречивых мнений, высказанных по отношению к нескольким учебным заведениям. В случае со стойбищем Жарковых учителя базовой школы и Нелли Андреевна отмечают, что ученики демонстрируют устойчивые средние результаты. В классе маленькое количество детей, а это значит, что каждому ребенку можно уделять гораздо больше времени. Обучение строится на индивидуальном подходе, близком к репетиторским занятиям. Иную ситуацию описывают сотрудники школ-интернатов Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Несколько детей, поступивших к ним после обучения в школе А.П. Неркаги, расположенной на этностойбище “Земля надежды” (близ с. Лаборовая), сильно отставали по программе и учебным навыкам. Педагоги школы-интерната с. Усть-Нюкжа также говорили о слабых результатах учеников эвенкийской кочевой школы.

По якутским данным за 2011 г., из 137 выпускников кочевых школ средне-специальное образование получили 45 человек, высшее – 27. 42 выпускника работают в сфере оленеводства (пастухами, ветеринарами) (Кочевые образовательные учреждения 2011). В качестве выбора дальнейшей судьбы можно привести пример молодой преподавательницы эвенкийского языка, работающей в передовой школе-интернате “Арктика” (г. Нерюнгри, Якутия). Учительница выросла в семье оленеводов Амурской области и училась в устьнюкжинской таежной школе. В интервью педагог отмечает, что она одна из 10 человек получила высшее образование и устроилась работать в городе. Одноклассники связали свою жизнь с тайгой: занимаются оленеводством или охотой (ПМА 2012(а): Абрамова). На мой взгляд, на основе этих, пока недостаточных, данных, трудно делать выводы относительно дальнейшей учебы (тем более, что это сфера компетенции педагогов) и жизненного пути выпускников кочевых школ.

* * *

Школа-интернат до сих пор остается единственной формой обучения, способной обеспечить полным средним образованием детей из кочевых семей. Кочевые образовательные учреждения в России на данный момент явление не системное. Лишь единицы детей из числа коренных народов Севера и Сибири охвачены кочевым обучением. Ситуация в каждом регионе, где действуют такие школы и детские сады, уникальная, поскольку разница условий кочевания (протяженность и частота маршрутов, удаленность от поселков и др.) и размеры местного бюджета обуславливают типы и количество кочевых учебных заведений. Более того, школы имеют разные результаты и характеристики, зависящие от личностей родителей, учителей и детей. Так, например, кочевая школа Жарковых работает на протяжении нескольких лет (возможно, к моменту выхода статьи она уже будет закрыта), благодаря энтузиазму и мужеству Нелли Андреевны, поддержке хозяев и их влиятельного родственника. Исследователю новых форм образования для коренных народов необходимо быть осторожным с обобщениями, тем не менее можно сформулировать ряд тенденций, в той или иной мере характерных для всех кочевых школ.

Безусловно, для понимания феномена кочевого образования конца XX – начала XXI вв. необходим тщательный анализ проблематики самого понятия “кочевая школа”. Словосочетание, столь популярное в политическом, образовательном

и национальном дискурсах регионов, вводит в заблуждение и создает диссонанс от несоответствия возникающего образа и реальности. Стремление подвести новые педагогические формы под модный термин объединило в одну категорию учебные заведения разных ступеней образования и мобильности. Отсутствие четкого определения для подобных учреждений на фоне частых упоминаниях в СМИ приводит к путанице и недоверию в сознании населения.

Осмысляя собранные материалы о кочевом образовании, можно сказать, что пристального рассмотрения требуют предпосылки открытия школ. В якутском законодательстве говорится, что родители могут подать коллективную заявку на открытие кочевой школы в районе их кочевания (Закон 2008), однако во всех случаях инициаторами являются именно региональные чиновники или представители национальной интеллигенции. Иными словами, новые формы образования, стремящиеся максимально удовлетворить чаяния оленеводов, спущены решением “сверху”. Складывается ощущение, что работники департаментов образования намного больше заинтересованы в “возвращении ребенка в семью”, чем сами кочевые семьи. Мало того, организовывать и в дальнейшем отслеживать функционирование кочевой учебы поручается директорам поселковых школ и детских садов. Открытие новой кочевой школы сопровождается (правда, не во всех случаях) разовым выделением бюджетных средств и широким представлением в СМИ, после чего, как правило, удаленное стойбище остается без внимания. Выше я приводила мнения воспитанников об их кочевой школе, где они чувствуют себя более раскрепощенно, чем в поселковой. Стоит заметить, и учителя кочевых школ разделяют подобные настроения. В поселковой или городской школах педагоги испытывают на себе в той или иной степени регулярный прессинг со стороны администрации, районных методистов и других проверяющих инстанций. Учителям необходимо представлять в срок тематическое планирование, проводить открытые уроки, отчитываться за успеваемость школьников. В условиях кочевья педагог избавлен от давления вышеназванных структур. Кочевую школу Жарковых единственный раз посетили представители школьной и муниципальной администрации – в момент старта. В дальнейшем учительница отчитывалась за проделанную с ноября по апрель работу, приезжая в поселок весной. Аналогичная ситуация на моих глазах происходила с летней кочевой школой в Хинке. Региональный методист из Дудинки провел торжественное открытие и уехал. В итоге об успешности организации дошкольной подготовки расспрашивали находившегося на стойбище антрополога.

По существу, кочевые школы для всех, кроме тех, кто непосредственно включен в их деятельность (дети, учителя, родители), – это воображаемый объект, существующий лишь в дискурсивном поле. Люди, транслирующие в масс-медиа идею кочевого образования, слабо представляют, что в действительности в таких учебных заведениях происходит, как организована жизнь детей в семьях оленеводов, в каких условиях живет и работает учитель. Сам термин “кочевая школа” – иллюстрация аморфности данного явления, как в известной сказке, где нужно было прийти не одетой, и не раздетой, и с подарком, и в то же время без. Декларируемые цели создания школы, учитывающей “особенности” коренных народов Севера, и содержание кочевого образования далеко не всегда соответствуют друг другу. “Эссенциализация” представлений об аборигенной культуре привела к наполнению сферы образования стереотипами о “правильной культуре” в образовании. Культура воспринимается как устойчивый объект с определенным набором элементов, которые должны быть преподнесены в образовательных программах (Erickson 2011: 25–33). Возможно, кочевые школы для их идеологов – та форма, которая максимально полно удовлетворяет “этнокультурные” потребности, создает образ идеальной школы

для “доброе дикаря”. При этом кочевые учреждения придерживаются общеобразовательных стандартов. Дети из реально кочующих школ часть учебного года проводят в школе-интернате, а значит, уровень их знаний должен соответствовать учебной программе. Кроме того, после окончания начальной ступени им предстоит продолжить обучение в базовой школе. Учителя передвижающихся школ не делают упор на так называемые этнокультурные предметы, в отличие от стационарных “кочевых” школ, где, например, практикуются занятия в специальном школьном стаде оленей и походы на рыбалку. Может быть, в условиях кочевья и не требуется учить школьников основам оленеводства, когда они и так в свободное от учебы время включены в хозяйственные дела семьи? Пусть эти вопросы останутся сферой раздумий педагогических работников. Очевидно лишь, что по содержанию учебного процесса кочевые школы принципиально не отличаются от школ-интернатов, посему не могут быть противопоставлены им.

Кочевые учебные заведения, в которых мне удалось побывать, словно являются собой синтез “тундровой” и “поселковой” культуры, которая транслируется через различные атрибуты, создающие атмосферу “обычной” школы. Это не альтернатива интернатам в полном смысле слова, а скорее дополнение к традиционной образовательной системе для северян. Вместе с тем кочевые школы могут быть решением локальной проблемы, как в случае с отсутствием здания интерната в Новорыбной или нулевого класса в с. Носок, а также возможностью для отдельных детей и родителей дольше быть рядом друг с другом.

Примечания

¹ Балок – передвижное жилище некоторых народов Севера, представляющее собой сколоченный из деревянных реек “вагончик”, обитый тканью и имеющий покрывку из оленьих шкур; установлен на большие полозья. Описываемый школьный балок повторяет очертания традиционного, но отличается размерами и использованными для его изготовления материалами.

Источники и материалы

- Габышева 2012 – Габышева Ф.В. Опыт создания и деятельности кочевых школ в Республике Саха (Якутия) // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М.: Совет Федерации Федерального собрания РФ, 2012. С. 202–209.
- Закон 2008 – Закон Республики Саха (Якутия) “О кочевых школах Республики Саха (Якутия)” // Ассоциация КМНС ТС(Я). URL: <http://yakutiakmns.org>
- Кочевые образовательные учреждения 2011 – Кочевые образовательные учреждения Республики Саха (Якутия). Материалы к совещанию по вопросам реализации Закона Республики Саха (Якутия) “О кочевых школах Республики Саха (Якутия)”. Якутск: ФГБНУ “Институт национальных школ РС (Я)” Лаборатория школ народов Севера, 2011.
- ПМА 2011(б) – Полевые материалы автора, 2011(б). Экспедиция в Ямальскую тундру Ямало-Ненецкого автономного округа (информант: Я.В. Худи).
- ПМА 2012(а) – Полевые материалы автора, 2012(а) г. Экспедиция в Республику Саха (Якутия) и Амурскую обл. (информант: В. Абрамова).
- ПМА 2012(б) – Полевые материалы автора, 2012(б). Экспедиция в Носковскую тундру Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального р-на (информанты: А.П. Яптунэ, С.Э. Яр).
- ПМА 2013(а) – Полевые материалы автора, 2013(а). Экспедиция в Хатангский р-н Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального р-на (информанты: П.С. Жарков, Е.П. Жарков, В.А. Жаркова, С.П. Жаркова, Г. Киргизов, Н.В. Большакова, Н.А. Чарду).

Публичный доклад 2013 – Образование в Ямало-Ненецком автономном округе: состояние и тенденции развития // Департамент образования ЯНАО. 2013. URL: www.yamaledu.org
Education and MDG 2000 – Education and the Millennium Development Goals // UNESCO. URL: www.unesco.org

Научная литература

- Бугаев* 2005 – *Бугаев Н.И.* Школа: между прошлым, настоящим и будущим. Якутск: СГПА, 2005.
- Лебедева* 2007 – *Лебедева А.М.* Формирование социокультурных компетенций у учащихся кочевых школ // Содействие распространению грамотности среди школьников, принадлежащих к коренным народам, путем укрепления потенциала системы общинного образования у кочевых народов Севера Республики Саха (Якутия). Якутск: СМΥК-master, 2007. С. 107–110.
- Лярская* 2003 – *Лярская Е.В.* Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Мамонтова* 2013 – *Мамонтова Н.А.* На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 70–91.
- Роббек* 2007 – *Роббек В.А.* Кочевые школы – синтез двух цивилизаций // Содействие распространению грамотности среди школьников, принадлежащих к коренным народам, путем укрепления потенциала системы общинного образования у кочевых народов Севера Республики Саха (Якутия). Якутск: СМΥК-master, 2007. С. 10.
- Dudeck* 2013 – *Dudeck S.* Challenging the State Educational System in Western Siberia: Taiga School by the Tiutiakha River // Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage / Ed.E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013. P. 129–157.
- Dyer* 2006 – The Education of Nomadic Peoples: Current Issues, Future Prospects / Ed.C. Dyer. N.Y.: Berghahn, 2006.
- Erickson* 2011 – *Erickson F.* Culture // A Companion to the Anthropology of Education / Ed. B.A.U. Levinson, M. Pollock. L.: Blackwell, 2011. P. 25–33.
- Graburn* 1982 – *Graburn N.H.H.* Television and the Canadian Inuit // Etudes Inuit Studies. 1982. № 6(1). P. 7–18.
- Laptander* 2013 – *Laptander R.I.* Model for the Tundra School in Yamal: A New Education System for Children from Nomadic and Semi-Nomadic Nenets Families // Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage / Ed.E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013. P. 181–194.
- Lavrillie* 2013 – *Lavrillie A.* Anthropology and Applied Anthropology in Siberia: Questions and Solutions Concerning a Nomadic School among Evenk Reindeer Herders // Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage / Ed.E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013. P. 105–127.
- Pollock, Levinson* 2011 – *Pollock M., Levinson B.A.U.* Introduction // A Companion to the Anthropology of Education / Ed. B.A.U. Levinson, M. Pollock. L.: Blackwell, 2011. P. 1–9.
- Shahbazi* 2006 – *Shahbazi M.* The Qashqa'i, Formal Education and Indigenous Educators // The Education of Nomadic Peoples: Current Issues, Future Prospects / Ed.C. Dyer. N.Y.: Berghahn, 2006. P. 175–192.
- Zhirkova* 2006 – *Zhirkova S.* “School on the Move”. A Case Study: Nomadic Schooling of the Indigenous Evenk Children in the Republic of Sakha Yakutia (Russian Far East). Master Thesis. Tromsø: Centre for Sami Studies, University of Tromsø, 2006.

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2017, no. 2**A.N. Teryokhina. Kochevye shkoly: ograniicheniia ili vozmozhnosti? [Nomadic Schools: Limitations or Opportunities?]**

Alexandra Teryokhina, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); e-mail: arda-gavanj@mail.ru

Keywords: Russia, Siberia, Taymyr, indigenous peoples of North, problems of education, nomadic school, kindergarten

Abstract: The article focuses on nomadic schools, a new phenomenon in the spheres of education and culture of indigenous peoples of the Russian North. The author discusses the purposes of organizing such schools as well as the different positions of officials and parents on the effectiveness of the new education system. She takes the case of a Dolgan nomadic kindergarten school in Khatanga district (Taymyr) to examine the ways in which the daily routine and regulations of the school intersect with the everyday life of a family of reindeer herders.

References

- Bugaev N.I. *Shkola: mezhdru proshlym, nastoiashchim i budushchim*. Yakutsk: SGPA, 2005.
- Dudeck S. Challenging the State Educational System in Western Siberia: Taiga School by the Tiutiakha River. *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*, ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013, pp. 129–157.
- Dyer C. *The Education of Nomadic Peoples: Current Issues, Future Prospects*, ed. C. Dyer. New York: Berghahn, 2006.
- Erickson F. Culture. *A Companion to the Anthropology of Education*, ed. B.A.U. Levinson, M. Pollock. London: Blackwell, 2011, pp. 25–33.
- Graburn N.H.H. Television and the Canadian Inuit. *Etudes Inuit Studies*, 1982, no. 6(1), pp. 7–18.
- Laptander R.I. Model for the Tundra School in Yamal: A New Education System for Children from Nomadic and Semi-Nomadic Nenets Families. *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*, ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013, pp. 181–194.
- Lavrillie A. Anthropology and Applied Anthropology in Siberia: Questions and Solutions Concerning a Nomadic School among Evenk Reindeer Herders. *Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*, ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstenberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013, pp. 105–127.
- Lebedeva A.M. Formirovanie sotsiokul'turnykh kompetentsii u uchashchikhsia kochevykh shkol. *Sodeistvie rasprostraneniui gramotnosti sredi shkol'nikov, prinaldzhashchikh k korennym narodam, putem ukrepleniia potentsiala sistemy obshchinnogo obrazovaniia u kochevykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutiia)*. Yakutsk: CMYK-master, 2007, pp. 107–110.
- Liarskaya E.V. *Severnnye internaty i transformatsiia traditsionnoi kul'tury (na primere nentsev Yamala)*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 2003.
- Mamontova N.A. Na kakom yazyke govoriat nastoiashchie evenki? Diskussii vokrug kochevogo detskogo sada. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 70–91.
- Pollock M., Levinson B.A.U. Introduction. *A Companion to the Anthropology of Education*, ed. B.A.U. Levinson, M. Pollock. London: Blackwell, 2011, pp. 1–9.
- Robbek V.A. Kochevye shkoly – sintez dvukh tsivilizatsii. *Sodeistvie rasprostraneniui gramotnosti sredi shkol'nikov, prinaldzhashchikh k korennym narodam, putem ukrepleniia potentsiala sistemy obshchinnogo obrazovaniia u kochevykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutiia)*. Yakutsk: CMYK-master, 2007, p. 10.
- Shahbazi M. The Qashqa'i, Formal Education and Indigenous Educators. *The Education of Nomadic Peoples: Current Issues, Future Prospects*, ed. C. Dyer. New York: Berghahn, 2006, pp. 175–192.
- Zhirikova S. "School on the Move". *A Case Study: Nomadic Schooling of the Indigenous Evenk Children in the Republic of Sakha Yakutia (Russian Far East)*. Master Thesis. Tromsø: Centre for Sami Studies, University of Tromsø, 2006.